

Б.Я. Мисонжников

B.Ya. Misonzhnikov

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg*

**ВОЕННАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
MILITARY CONCEPTOSPHERE AS THE BASIS OF FORMATION OF
SOCIO-POLITICAL DISCOURSE**

Ключевые слова: военная концептосфера, концепт «пси-война», концепт «кибернетическая война», концепт «гибридная война», дискурс

Keywords: sphere of military concepts, the concept of "psi-war", the concept of "cyber war", the concept of "hybrid war", discourse

В статье рассматривается военная концептосфера как основа формирования социально-политического дискурса. Автор приходит к выводу, что в современном мире военная концептосфера развивается и обретает всё большее социально-политическое значение.

The article deals with the sphere of military concepts as the basis of formation of socio-political discourse. The author concludes that in the modern world the military conceptosphere is developing and is acquiring greater socio-political significance.

Цитирование: Мисонжников Б.Я. Военная концептосфера как основа формирования социально-политического дискурса // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 1. С. 21–34. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Citation: Misonzhnikov B.Ya. Military conceptosphere as the basis of formation of socio-political discourse // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2017. № 1. P. 21–34. Rezhim dostupa: www.tverlingua.ru

Мир развивается, как известно, не линейно, а, будучи сложной системой, постоянно испытывает воздействие энтропийных процессов, которые периодически то повышаются, то понижаются. В конце XX в. стало очевидным, что общество переживает исключительно сложный, уникальный и захватывающий по темпам и реальным достижениям этап своего глобального развития. Бесспорными стали высокие результаты внедрения в производство энергосберегающих и высокоточных технологий, развития науки и образования, здравоохранения. Были сделаны впечатляющие открытия в области информатики, экономических и социальных знаний. Решения сложных технологических задач не могли осуществляться без эффективного изучения явлений и закономерностей существования физических и социальных систем,

семиотики, теории коммуникации, исследования текстовых медийных структур и роли их в адекватной репрезентации картины мира.

Высокий эффект научных инноваций не означал и не обусловил, к сожалению, перехода к справедливому демократическому обществу, не открыл двери в мир всеобщего благоденствия и процветания. Великие достижения разума человека сопровождались проявлениями глубокого цивилизационного кризиса, что отразилось в мощных политических, социальных и экономических потрясениях, вызвало спонтанно вспыхивающие вооруженные конфликты и волны небывалого ранее терроризма.

Сущностные проблемы возникли по нескольким онтологически важным направлениям. Прежде всего, серьезную опасность представляла собой аннигиляция гуманитарной идентичности индивида. При сохранении во многом традиционных социальных и отчасти даже духовных поведенческих «импульсов» человека произошла постмодернистская трансформация его мировидения, отчуждение от многих сторон природного универсума. Это привело к трансгрессии и отчасти ею компенсировалось, что, впрочем, не дало индивиду надежной общественной и духовной опоры. В связи с этим ставится вопрос и дается на него ответ: «Как же развивалось общество в XX в.? Социальный антиномизм – это хаотичность соотношений между слагаемыми бытия. При такой хаотичности социума личность бессознательно ищет опору в той или иной части социума» (Максимов, 2001: 213). Это послужило причиной перехода к дезориентации «во времени, при которой прошлое и будущее больше уже не связаны через формы бытия с соответствующими необходимостями / невозможностями... Поэтому также и социальная ориентация должна быть перенаправлена на неопределённость и риск...» (Luhmann, 2008: 239). Не так просто это объяснить, но категория риска в последнее время обретает некую притягательность, отмечается «склонность драматизировать риски и открыто их представлять. В наши дни факты о любой опасности, независимо от того, насколько она реально значительна, широко освещаются в медиа» (Magiera, 2014: 93).

Сами по себе инновационные технологии не стали инструментом решения острых гуманитарных проблем, не привели к глубоким демократическим и нравственным преобразованиям. Авторитаризм, политическое и духовное насилие, социальная несправедливость и экономическое расслоение порождают массовую бедность людей, выключают их из процесса социализации, обуславливают протестные настроения. Это не в последнюю очередь способствует увеличению пропасти между небывало высоким научно-техническим прогрессом, достижениями в области культуры, искусства и массовым безумием, дикостью и варварством, чередой социальных кризисов, которые «неизбежно провоцируют всплеск и обострение кризисного сознания» (Сидорина, 2003: 20). Квазиустойчивое равновесие современного общества все время нарушается конфликтами самого разного характера, возникают

конфликтогенные зоны с активно действующими очагами противостояния. В силу применения изощрённых политологических технологий, опыта и высокой профессиональной подготовки большинства акторов геополитики, технической оснащённости сторон противоборства – включая ядерное вооружение – удаётся удерживать мир от открытого военного столкновения.

Но конфронтация, пусть даже она в целом и носит имплицитный характер, обрела в современном социуме отчетливые очертания и дает основание говорить о существовании широкомасштабного противостояния между Западом и Россией, при котором актуализируется враждебная риторика и всё чаще используется лексика военного тезауруса. Надежда на позитивную роль очередного избранного президента Соединённых Штатов, мировой сверхдержавы, пока остаётся только надеждой. Бифуркационные моменты развития общества привели к трансформации – а в ряде случаев и к деформации – гипертекстуальных процессов в их глобальном истолковании и оказали влияние на эволюционирование языковой картины мира. В ней произошло резкое усиление военной концептосферы, а «концептосфера – это сфера мысли, информационная база когнитивного сознания народа и отдельной личности. Концептосферой определенного народа является совокупность концептов, характерная для данной национально-культурной общности и отражающая её специфику и уникальность» (Пастухова, 2008: 123). И, наконец, «концептосфера фиксирует когнитивное членение мира и является, наряду со стереотипами сознания, частью языковой картины мира людей» (Пастухова, 2008: 120). С одной стороны, массовое сознание отражает общественные процессы, а с другой стороны, само становится объектом воздействия инструментов пропаганды, прежде всего массмедиа, которыми создаётся интегральный дискурс. В нём в качестве видовых категорий актуализируются дискурсы с негативной коннотацией, в частности «провокативный» (Степанов, 2003), «неискренний» (Плотникова, 2000), а также дискурс «угрозы» (Романов, Новоселова, 2013).

Благодаря своим особым качествам дискурс отличается высокой степенью имманентности по отношению к социальным явлениям. Если есть основания маркировать тот или иной дискурс как негативный, то можно предположить его особую агрессивность воздействия в плане социальной негативизации и силу влияния на реципиентную среду. Причем дискурс можно значительно активировать через систему включений в него наиболее ярких и действенных концептов. Как правило, это делается не преднамеренно, однако так или иначе мотивы индивидов, участвующих в процессе формирования дискурса, играют немаловажную роль, а порой субъекты создания негативного дискурса действуют вполне осознанно и корыстно. Вследствие имманентизации соответствующих концептов, а каждый из них – это «ментальное образование, единица памяти, плод нашего сознания, зависящий от психической жизни индивида. Он отличается от понятий как продуктов научного описания. Это

своего рода личностный заменитель понятия, основная функция которого – замещение. Мы не можем отрицать когнитивного происхождения концепта. Однако нельзя не согласиться с тем, что концепт является не только когнитивным образованием, единицей мыслительных и психических ресурсов отдельной личности, но и фактом культуры и истории нации» (Сурина, 2010).

Именно в силу этих факторов концепт может быть эффективным средством построения дискурса. Следует подчеркнуть: любой, по сути, концепт может быть интегрирован в дискурс, но некоторые концепты сами по себе имеют высокий уровень энергии, они начинают играть особую роль, в частности, в медиадискурсе. А. А. Романов замечает: «Дискурсивная реальность, созданная актами медийной дискурсии, есть продукт инфосферы (медиа-пространства), где дискурс выполняет функционально-инструментальную, орудийную роль некоторого сконструированного формата, своего рода „окна“, сквозь которое проходит информация к потребителю, а вместе с ней и предлагаемая авторская („срежиссированная“) оценка вербально-коммуникативного события, созданного (или создаваемого) дискурсом как стимулом (раздражителем) с соответствующей реакцией, который „становится психологическим орудием в силу использования его как средства воздействия на психику и поведение“» (Романов, 2016: 5). Мощное воздействие на психику и поведение людей оказывает концепт «война» – впрочем, это уже полноценная концептосфера, в орбиту которой включены многие соотносительные концепты, – и приходится констатировать, что в последние годы он резко актуализировался. Военная концептосфера семантически довольно флексибельна: она в определённые исторические моменты может усиливаться или, наоборот, частично утрачивать своё значение, может обретать дополнительные видовые характеристики, коррелировать с другими областями когниции. К сожалению, военная концептосфера остаётся важной – и во многом опасной, трагической – составляющей современного периода, поскольку отражает, прежде всего, такое событие, как вооружённое физическое насилие с неизбежными жертвами. Но в силу невозможности прямого применения современного оружия, главным образом ядерного, что грозит глобальной катастрофой, стали развиваться дополнительные субституциональные формы противоборства.

В последние десятилетия появился такой концепт, как «пси-война», которая ведётся с применением психотронного оружия – «пси-оружие, психофизическое оружие, ментальное оружие», – представляющего собой «средство воздействия на организм человека, в результате которого может происходить: 1) полное или частичное разрушение психики и головного мозга; 2) нарушение процессов жизнедеятельности всего организма или отдельных органов, приводящее к заболеваниям и смерти; 3) обеспечение управляющего воздействия (создание зомби и биороботов)» (Шовкуненко). Пси-война предполагает также разведывательные и контрразведывательные мероприятия с

применением специальных технологий, в том числе и экстрасенсорных. В системе обороны Соединённых Штатов и России действовали центры пси-войны, в которых велись достаточно активные исследования. Одна из задач военной экстрасенсорики – «предотвращение и расследование преступлений, терроризма. Экстрасенсорика показала себя весьма эффективной в этих сферах; это много раз проверено и хорошо известно. На эту тему есть достаточно материала, у спецслужб есть разработанные методики... Мы не вправе ожидать, что злоба и глупость вдруг завтра возьмут и покинут человечество. Поэтому мы можем и должны вести с криминалом и терроризмом войну, в том числе и экстрасенсорную» (Мэй, Савин, Ратников, Мак-Монигл, Рубель). Примечательно, что, помимо указанных задач боевого трансгрессивного характера, перед советскими специалистами «был постановлен вопрос о создании технологий в области психобезопасности» (Королев, Пырин, 2016: 47).

Концепт «пси-война», актуализированный в годы холодной войны (американская программа «Звёздные врата» и создание Генштабом Вооружённых Сил СССР «В/Ч №10003»), был активно интегрирован в военную концептосферу. В последние десятилетия он спорадически развивался, то увеличивая, то уменьшая свой дискурсный потенциал. Но так или иначе на социум воздействовал обширный медийный материал, зафиксированный в текстах, по сути, психотронного характера: сообщения о войнах, локальных боевых действиях, катастрофах, насилии.

С одной стороны, концепт «пси-война» существовал в своём онтологическом, извечно имманентном обществе таинственном и почти мистическом значении, о чём свидетельствует, в частности, следующее высказывание: «Пси-войны начались не сегодня и не вчера. Это явление старо, как мир, но, углубляясь в века, нам важно отметить, что истории о реальных и мифических пси-войнах фактически являются различными проявлениями архетипа Войны Магов. Этот архетип, представляя конкретные структуры нашего бессознательного, в одних случаях определял реальные попытки людей использовать экстрасенсорные способности в конфликтах, с другой стороны, способствовал широчайшему мифологическому творчеству на эту тему. И разделить эти две стороны в истории не так-то просто, поскольку любое повествование, и о реальных событиях, и о вымышленных, имеет тенденцию к фольклоризации, обрастая со временем легендами» (Мэй, Савин, Ратников, Мак-Монигл, Рубель).

С другой стороны, пси-война стала предметом практического действия спецслужб. С начала 90-х годов прошлого столетия министерство обороны США приступило к реализации ряда проектов по разработке видов оружия, которые «получили ряд названий: от „мягкого“ и „нежного“ до „несмертельного“ и „иммобилизующего“ (хотя некоторые его образцы, например мощные лазеры, микроволновые излучатели, средства импульсного поражения, назвать таковым нельзя). Эти новые виды предназначены для

поражения людей через экраны телевизоров и мониторов компьютеров, а также для использования в таких ситуациях, где требуется остановить действия конкретных групп противника, сведя при этом к минимуму вероятность смертельного исхода или материального ущерба для обеих сторон» (Крысько, 1999).

С развитием кибернетики в военную концептосферу постепенно вошёл концепт «кибервойна», который в течение 2016 года обрёл небывало важное значение в связи с нарастающими хакерскими атаками на сайты в глобальном масштабе. От этого серьёзно пострадала и Россия. Так, «24 миллиона кибератак на российские официальные сайты и информационные ресурсы зафиксировано в 2015 году». Это обусловило создание Доктрины информационной безопасности, которую 5 декабря подписал Президент Российской Федерации (Соколова, 2016). Как видим, данный концепт не просто пополнил военную концептосферу, но вышел на очень высокий уровень прагматики и на долгое время определил формирование и развитие социально-политического дискурса.

Другой концепт военной концептосферы – «гибридная война». Это понятие сегодня оказалось весьма актуальным, хотя его технологии используются уже давно. Причём, чего нельзя не заметить, понятие гибридной войны всё чаще и охотнее интерпретируется средствами массовой информации, что делает его доступным широкой аудитории, обуславливает внедрение в массовое сознание. А если это происходит одновременно с внедрением других зачастую опасных идеологием и удобных манипуляторам социально-политических представлений, возникает сложная реакция реципиентной среды, мифологизация отдельных сторон общественной жизни, возникновение чувств тревоги и фатальной безысходности. В. Костиков замечает: «„Гибридная война“ – понятие не новое. США уже в течение многих десятилетий ведут такие войны по всему миру. Гибридная война очень удобна. Прежде всего потому, что общественному мнению мира её можно преподнести не как войну, а как благородную борьбу за демократию, против очередной деспотии. Что же это такое – гибридная война?

Это стратегия, которая объединяет обычную войну, гражданскую, партизанскую, участие наёмников, диверсии, разрушение мирных инфраструктур... И всё это сопровождается экономической и политической войнами, санкциями, дипломатическим и информационным давлением. Гибридная война предполагает явное и тайное воздействие на элиту, интеллигенцию, молодёжь. В ход идут прямой или опосредованный подкуп, предоставление гарантий поддержки, а в случае необходимого отступления – политического убежища» (Костиков, 2015).

То есть приходится констатировать, что понятие гибридной войны стало объектом внимания не только профессиональных специалистов, но и представителей массмедиа, причем также и зарубежных. Крупный материал, посвященный технологии ведения гибридной войны, опубликовала немецкая

ежедневная газета «Хандельсблат», которая позиционирует себя как экономическое и финансовое издание, представляет интересы деловых кругов Германии, и прежде всего Франкфурта-на-Майне и Дюссельдорфа, городов, в которых эта газета, собственно, и издаётся. Она известна еще и тесным сотрудничеством с исключительно влиятельной американской деловой газетой «Уолл-стрит джорнел». Обращение этого солидного издания к теме гибридной войны свидетельствует, вне всякого сомнения, о том, что к этому явлению появился возрастающий интерес в национальной бизнес-среде Германии, причем на самом высоком уровне. Именно представители истеблишмента образуют основу читательской аудитории газеты «Хандельсблат».

Уже само название публикации имеет определенную семантику: «Как мы в будущем ведем войну». Модальность высказывания не обнаруживает сомнения в том, что это произойдет, не отражает существования альтернативы или вопроса. Оно носит асерторический характер в классическом понимании этого термина: да, так произойдет, это данность. Автор статьи Роберт Хельбиг, имеющий специальное международное образование, дает дефиницию явления: «Кибернетические атаки, партизанская борьба, организованный криминалитет: существует новый тренд при конфликтах – ведение гибридной войны». Далее Хельбиг, в основном на примере украинского конфликта, довольно банально раскрывает суть и технологии данного вида войны и делает, впрочем, важное замечание: «Государства подкрепляют свои действия (в процессе ведения гибридной войны. — Б. М.) пропагандистскими кампаниями» (Helbig, 2014). Это существенное дополнение, которое говорит о том, что в основе ведения боевых действий должна лежать политическая мотивация как мощный идеологический стимул.

Гибридная война, как и любая другая, не может вестись исключительно материально-техническими средствами. Она требует идеологического, морального и гуманитарного обоснования. С одной стороны, она выстраивается довольно рационально, а с другой стороны, отсутствует экспликация каких-либо условий ведения боевых действий, многое делается скрытно. Действительно, цель «необусловленной войны... остается главным образом политической и как таковая определяется Государством, но сам объект стал неограниченным», т. е. война, перед которой не выдвигается и не формулируется каких-либо условий, и она выходит в своей функциональности за установленные ранее пределы. Её «организация выплёскивается за рамки аппаратов Государства и переходит в энергетические, военно-промышленные и многонациональные комплексы» (Делез, Гваттари, 2010: 713, 653). Сложность гибридной войны заключается в том, что она исключительно подвижна, топологически не зафиксирована, расползается территориально и постоянно меняет инструментарий. По мнению Р. Бергманиса, министра обороны Латвии, «ведение гибридной войны воссоздает криминальную неупорядоченность, не подлежит никакой конвенции, и одновременно используются как

конвенциональные, так и не конвенциональные средства с целью достижения собственных целей. Всё это затрудняет поиск ответа сообщества государств» (Unterrichtung).

В условиях гибридной войны, даже поначалу при довольно редких её, казалось бы случайных, вспышках, массмедиа практически сразу становятся субъектами её ведения, включаются довольно тонкие механизмы политической пропаганды. Даже уважаемые качественные газеты не остаются в стороне. Так, немецкая газета «Ди Вельт» в последние годы активно выступает с антироссийских позиций, и многие её приёмы текстовой прагматики можно охарактеризовать именно как приемы из арсенала гибридной войны. Во-первых, её тексты направлены на суггестирование аудитории: текстопостроение стало отличаться возвышенной экспрессией, многие важные высказывания подаются во взвинченной тональности и выводы бездоказательны, констатация не сопровождается аргументационным рядом. Так, Михаэль Штюрмер в подзаголовке к публикации утверждает, что «европейцы разучились защищать свои собственные ценности» перед угрозой России, которая «в ходе гибридной войны тестирует» окружающий мир в поисках, мол, объектов, подходящих для аннексии (Stürmer, 2015). Упрёк в мягкотелости и утверждения об «агрессивности» России дают автору повод вести речь о необходимости активной милитаризации стран Североатлантического блока.

Таким образом, что касается уважаемой немецкой прессы, представленной лучшими качественными газетами, то можно не без сожаления утверждать, что эта пресса в настоящее время выступает именно как средство пропаганды, что для данного медийного сегмента, в принципе, не очень характерно. Даже элитарная аналитическая «Франкфуртер альгемайне цайтунг», неоднократно повторяя слова о «ведении Россией гибридной войны», приучает аудиторию к этому факту и зачастую в той или иной форме внедряет в сознание читателей идеи об «агрессии России», пусть даже и делает это, ссылаясь на высказывания других изданий или политических деятелей. Так, поданные во вводной части корреспонденции и набранные крупным кеглем слова о «возможной агрессии России» не совсем уравниваются совершенно здравыми в большинстве своем комментариями читателей (Pentagon, 2015).

Это факты открытой пропаганды, направленной против России как государства, и они хорошо вписываются в общую стратегию ведения гибридной войны между Россией и Западом. В зарубежных массмедиа начало войны этого типа не подвергают сомнению, хотя можно говорить, скорее, о фактах её отдельных проявлений, об относительно мягких формах. Объективно оценивая в этом свете функционирование массмедиа, в том числе и российских, можно обнаружить также результаты неявного участия в конфронтации. Так, преднамеренно или нет, но некоторые медийные инструменты имплицитно становятся, по сути, средством продвижения идей и настроений противоположной стороны. В публикации Росбалта «Эксперт: Турецкой

армии не страшны российские С-400» приводится мнение «военного эксперта», который рассуждает о слабости российского контингента в Сирии. В публикации моделируется крупномасштабное боестолкновение и дается прогноз о невозможности одержать победу российскими вооруженными силами в воздухе и на земле, и далее «эксперт отметил, что турецкий флот многократно количественно и качественно превосходит российскую группировку в Средиземном и в Черном морях» (Эксперт). Публикация искажает действительное положение дел, запутывает реципиента и, если рассматривать её в контексте ведения гибридной войны, становится элементом пропаганды высокой боеготовности противостоящей стороны. Во-первых, попытка моделирования боевых действий является некорректной в силу изначального официального отказа высшего руководства России от решения конфликта военным путем; во-вторых, не надо быть экспертом, чтобы констатировать неравенство сил, так как они совершенно не предназначены для ведения боевых действий с государством, являющимся членом НАТО; в-третьих, публикация суггестирует изначально пораженческое настроение, хотя хорошо известно, что превосходство в военной технике далеко не всегда является решающим фактором. Можно говорить и о смещении критериев при идентификации ситуации, и в ряде случаев о крайней субъективности оценок «военного эксперта».

Компоненты гибридной войны исключительно разнообразны. Это и вооруженные столкновения, и такие испытанные средства, как «шантаж, введение всякого рода эмбарго, санкций и т. д. в ответ на „неугодные“... действия или решения стран, не допускающих вмешательства извне в их внутренние дела» (Громыко, 1982: 437). Важнейшая составляющая ведения гибридной войны – пропаганда. Войсковая практика предполагает, прежде всего, наличие и применение ресурса специальной пропаганды среди войск и населения противника, но это инструмент, адаптированный, скорее, для непосредственного использования в боевой обстановке. Институт спецпропаганды рассчитан на применение таких методик, которые не могут использоваться в относительно устойчивые мирные периоды. Даже квазиустойчивое политическое равновесие, нарушаемое конфликтами, не предполагает наличия линии фронта с войсками, на которые можно воздействовать политическими текстами, также отсутствуют и военнопленные (Жуковская), и население только что освобожденных от войск противника территорий. То есть в условиях гибридной войны нужен иной институт специальной пропаганды с соответствующей функциональной методологией. Причем получилось так, что в настоящее время существуют практически отдельно институты пропаганды и контрпропаганды, а последняя, как известно, призвана содействовать развитию «иммунитета от воздействия враждебной пропаганды, от распространения ею идей, мнений, представлений» (Артемов, 1985: 230).

Особую социальную задачу – независимо от того, в условиях гибридной войны пребывают страны или просто переживают похолодание в отношениях – выполняют национальные массмеди. Речь не идет о том, чтобы власти предержащие директивно вменяли им в обязанность выступления с пропагандистских или контрпропагандистских позиций или ограничивали в свободе высказываний, поскольку распространение массовой информации в Российской Федерации, согласно закону, не подлежит ограничениям. Но разъяснительная и координирующая деятельность государственных органов в отношении массмедиа была бы в определенных случаях, пожалуй, полезна. Без давления, волонтаристских требований, а исключительно в плане информирования и ознакомления с реальным положением дел.

Таким образом, необходимо осознать, что военная концептосфера в современном мире развивается и обретает всё большее социально-политическое значение. Она постоянно модифицируется, обновляется, оказывает влияние на продуцирование «дискурса как „психологического орудия“ в „системе средств формирования человеческого сознания“ и одновременного использования в качестве „орудийного“ элемента инфосферы, предназначенного для создания „индивидуального туннеля“ дискурсивной (конверсационной) реальности, в которую в ходе интенсивной „бомбардировки“ смысловыми посланиями погружается человек и в которых (в туннеле дискурсивной реальности) он будет находиться и жить...» (Романов, 2016: 7) То есть субъект формирует дискурс, который вбирает в себя широкий комплекс коммуникативных компонентов – от конверсационных реалий на уровне обыденного и официального общения до медийных письменных и озвученных текстов. Возникает сложное семиотическое образование, которое может представлять определённую гуманитарную угрозу и требует специальной идентификации при помощи соответствующей герменевтической методологии, включающей дистинктивные аспекты.

Литература

1. Артемов В.Л. Правда о неправде: Критические очерки по современной империалистической антисоветской пропаганде. – Минск: Университетское, 1985. – 252 с.
2. Громыко А. А. Внешняя экспансия капитала: история и современность. – М.: Мысль, 1982. – 494 с.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
4. Жуковская Д. Политработа среди войск и населения противника в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2017. – Режим доступа: http://www.historicus.ru/politrabota_v_gody_voiny/, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., 10.03.17.

5. Королев А.Д., Пырин А.Г. Пси-войны: Запад и Восток // Вестник Российского философского общества. – 2016, № 4 (80). – С. 47–49.

6. Костиков В. Выбор без выбора. Гибридная война порождает гибридный мир [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2015. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/euromaidan/opinion/1443514/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., 15.02.15.

7. Крысько В. Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт) [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 1999. – Режим доступа: <http://www.x-libri.ru/elib/krysk000/00000001.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., 0.03.17.

8. Максимов В.В. Раздумья на перекрёстке веков: социальный антиномизм в развитии // Философские исследования. – 2001, № 2 (31).

9. Мэй Э.Ч., Савин А.Ю., Ратников Б.К., Мак-Монигл Д., Рубель В.А. Пси-войны: Запад и Восток. История военного применения экстрасенсорики [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2017. – Режим доступа: <http://откровениявселенной.pf/index.php/biblioteka/knigi-tekst/b-k-ratnikov/10-psi-vojny-zapad-i-vostok-istoriya-voennogo-primeneniya-ekstrasensoriki>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., 09.03.17.

10. Пастухова М.С. Понятие концептосферы в когнитивной лингвистике (на примере концепта «успешность») // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. – 2008, № 552. – С. 120–127.

11. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. лингвистического ун-та, 2000. – 244 с.

12. Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурс угрозы в социальной интеграции (функционально-семантический анализ). – М.-Тверь: ИЯ РАН; Тверская ГСХА, 2013. – 168 с.

13. Романов А.А. «Окно» дискурса как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода к проблеме // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016, № 4. – С. 1–35. – Режим доступа: www.tverlingua.ru

14. Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 456 с.

15. Соколова М. На кибервойне как на кибервойне. Новая Доктрина призвана навести порядок в информационном пространстве страны // 9–15 дек. Парламентская газета. – 2016.

16. Степанов В.Н. Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации. – СПб.: Роза мира, 2003. – 263 с.

17. Сурина В.Н. Понятие концепта и концептосферы // Молодой ученый. – 2010, № 5. [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010. – Режим доступа: <http://www.moluch.ru/archive/16/1517/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., 09.03.17.

18. Шовкуненко О. Психотронное оружие [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2017. – Режим доступа: <http://www.shovkunenkovbook.ru/arsenal/psihotronnoe-oruzhie.html/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., 09.03.17.

19. Эксперт: Турецкой армии не страшны российские С-400 [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2017. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/main/2015/11/28/1465992.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., 01.03.17.

20. Helbig R. Wie wir in Zukunft Krieg führen [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2017. – Режим доступа: <http://www.handelsblatt.com/meinung/gastbeitraege/gastkommentar-wie-wir-in-zukunft-krieg-fuehren/10293608.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. нем., 01.03.17.

21. Luhmann N. Die Moral der Gesellschaft. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2008. – 402 S.

22. Magiera M. The need to comprehensively minimise risk in the states of the former soviet bloc // Public policy and economic development. – 2014, Iss. 1(5). – P. 93.

23. Pentagon will schwere Waffen in Osteuropa stationieren [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2017. – Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/waffenlagerungen-in-osteuropa-agression-russlands-vorbeugen-13646123.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. нем., 02.03.17.

24. Stürmer M. Europas ungewolltes Signal in Richtung Russland [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2015. – Режим доступа: <http://www.welt.de/debatte/article146480564/Europas-ungewolltes-Signal-in-Richtung-Russland.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. нем., 03.03.17.

25. Unterrichtung durch die deutsche Delegation in der Interparlamentarischen Konferenz für die Gemeinsame Außen- und Sicherheitspolitik [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2015. – Режим доступа: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/051/1805138.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. нем., 03.03.17.

(0,5 п.л.)

References

1. Artemov V.L. Pravda o nepravde: Kriticheskie ocherki po sovremennoj imperialisticheskoy antisovetskoj propagande. – Minsk: Universitetskoe, 1985. – 252 s.

2. Gromyko A. A. Vneshnjaja jekspansija kapitala: istorija i sovremennost. – M.: Mysl, 1982. – 494 s.

3. Delez Zh., Gvattari F. Tysjacha plato: Kapitalizm i shizofrenija. – Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel, 2010. – 895 s.

4. Zhukovskaja D. Politrabota sredi vojsk i naselenija protivnika v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Elektronnyj resurs]. – Elektron. dannye. – 2017. – Rezhim dostupa: http://www.historicus.ru/politrabota_v_gody_voiny/, svobodnyj. – Zagl. s ekrana. – Jaz. rus., 10.03.17.

5. Korolev A.D., Pyrin A.G. Psi-vojny: Zapad i Vostok // Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshhestva. – 2016, № 4 (80). – S. 47–49.

6. Kostikov V. Vybor bez vybora. Gibridnaja vojna porozhdaet gibridnyj mir [Elektronnyj resurs]. – Elektron. dannye. – 2015. – Rezhim dostupa: <http://www.aif.ru/euromaidan/opinion/1443514/>, svobodnyj. – Zagl. s ekrana. – Jaz. rus., 15.02.15.

7. Krysk'o V. G. Sekrety psihologicheskoj vojny (celi, zadachi, metody, formy, opyt) [Elektronnyj resurs]. – Elektron. dannye. – 1999. – Rezhim dostupa: <http://www.x-libri.ru/elib/krysk000/00000001.htm>, svobodnyj. – Zagl. s ekrana. – Jaz. rus., 0.03.17.

8. Maksimov V.V. Razdumja na perekrjostke vekov: socialnyj antinomizm v razvitii // Filosofskie issledovanija. – 2001, № 2 (31).

9. Mjej Je.Ch., Savin A.Ju., Ratnikov B.K., Mak-Monigl D., Rubel V.A. Psi-vojny: Zapad i Vostok. Istorija voennogo primeneniya jekstrasensoriki [Elektronnyj resurs]. – Elektron. dannye. – 2017. – Rezhim dostupa: <http://otkrovenijavselennoj.rf/index.php/biblioteka/knigi-tekst/b-k-ratnikov/10-psi-vojny-zapad-i-vostok-istoriya-voennogo-primeneniya-ekstrasensoriki>, svobodnyj. – Zagl. s ekrana. – Jaz. rus., 09.03.17.

10. Pastuhova M.S. Ponjatje konceptosfery v kognitivnoj lingvistike (na primere koncepta «uspeshnost») // Vestnik Moskovskogo gos. lingvisticheskogo un-ta. – 2008, № 552. – S. 120–127.

11. Plotnikova S.N. Neiskrennij diskurs (v kognitivnom i strukturno-funkcionalnom aspektah). – Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gos. lingvisticheskogo un-ta, 2000. – 244 s.

12. Romanov A.A., Novoselova O.V. Diskurs ugrozy v socialnoj integracii (funkcionalno-semanticheskij analiz). – M.-Tver: IJa RAN; Tverskaja GSHA, 2013. – 168 s.

13. Romanov A.A. «Okno» diskursa kak reguljativnyj mehanizm rasprostraneniya i vnedrenija «virusnoj» informacii: dva podhoda k probleme // Mir lingvistiki i komunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. – 2016, № 4. – S. 1–35. – Rezhim dostupa: www.tverlingua.ru

14. Sidorina T.Ju. Filosofija krizisa. – M.: Flinta: Nauka, 2003. – 456 s.

15. Sokolova M. Na kibervojne kak na kibervojne. Novaja Doktrina prizvana navesti porjadok v informacionnom prostranstve strany // 9–15 dek. Parlamentskaja gazeta. – 2016.

16. Stepanov V.N. Provokativnyj diskurs socialno-kulturnoj komunikacii. – SPb.: Roza mira, 2003. – 263 s.

17. Surina V.N. Ponjatie koncepta i konceptosfery // Molodoj uchenyj. –2010, № 5. [Elektronnyj resurs]. – Elektron. dannye. – 2010. – Rezhim dostupa: <http://www.moluch.ru/archive/16/1517/>, svobodnyj. – Zagl. s ekrana. – Jaz. rus., 09.03.17.

18. Shovkunenکو O. Psihotronnoe oruzhie [Elektronnyj resurs]. – Elektron. dannye. – 2017. – Rezhim dostupa: <http://www.shovkunenکو-book.ru/arsenal/psihotronnoe-oruzhie.html/>, svobodnyj. – Zagl. s ekrana. – Jaz. rus., 09.03.17.

19. Ekspert: Tureckoj armii ne strashny rossijskie S-400 [Elektronnyj resurs]. – Elektron. dannye. – 2017. – Rezhim dostupa: <http://www.rosbalt.ru/main/2015/11/28/1465992.html>, svobodnyj. – Zagl. s ekrana. – Jaz. rus., 01.03.17.

20. Helbig R. Wie wir in Zukunft Krieg führen [Elektronnyj resurs]. – Elektron. dannye. – 2017. – Rezhim dostupa: <http://www.handelsblatt.com/meinung/gastbeitraege/gastkommentar-wie-wir-in-zukunft-krieg-fuehren/10293608.html>, svobodnyj. – Zagl. s ekrana. – Jaz. nem., 01.03.17.

21. Luhmann N. Die Moral der Gesellschaft. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2008. – 402 S.

22. Magiera M. The need to comprehensively minimise risk in the states of the former soviet bloc // Public policy and economic development. – 2014, Iss. 1(5). – P. 93.

23. Pentagon will schwere Waffen in Osteuropa stationieren [Elektronnyj resurs]. – Elektron. dannye. – 2017. – Rezhim dostupa: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/waffenlagerungen-in-osteuropa-agression-russlands-vorbeugen-13646123.html>, svobodnyj. – Zagl. s ekrana. – Jaz. nem., 02.03.17.

24. Stürmer M. Europas ungewolltes Signal in Richtung Russland [Elektronnyj resurs]. – Elektron. dannye. – 2015. – Rezhim dostupa: <http://www.welt.de/debatte/article146480564/Europas-ungewolltes-Signal-in-Richtung-Russland.html>, svobodnyj. – Zagl. s ekrana. – Jaz. nem., 03.03.17.

25. Unterrichtung durch die deutsche Delegation in der Interparlamentarischen Konferenz für die Gemeinsame Außen- und Sicherheitspolitik [Elektronnyj resurs]. – Elektron. dannye. – 2015. – Rezhim dostupa: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/051/1805138.pdf>, svobodnyj. – Zagl. s ekrana. – Jaz. nem., 03.03.17.

Сведения об авторе:

Мисонжников Борис Яковлевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой периодической печати Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. boris.misonzhnikov@gmail.com

Misonzhnikov Boris Yakovlevich, doctor of philological Sciences, professor, head of the department of the print media of School Journalism and Mass

Communication of Saint Petersburg State University.
boris.misonzhnikov@gmail.com